

УДК 340.15

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И
ДИСПОЗИТИВНОСТИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ ПУТЕМ
ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНЫХ ПОЕДИНКОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ ЭПОХИ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Иванченко С. В.

ФГБОУ ВО Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Настоящее исследование посвящено анализу реализации процессуально-правовых принципов состязательности и диспозитивности при разрешении споров путем проведения судебных поединков в Восточной Европе эпохи Средневековья. Проведен анализ восточноевропейских средневековых памятников права, регулирующих процедуру отправления правосудия путем проведения судебного поединка. Проведена систематизация оснований классификации субъектов, участвовавших в судебных поединках, так выделены внеправовое и правовое основание, также обнаружено, что правовое основание содержало в себе также два элемента – принадлежность и свойство. Выявлено, что нормами средневекового права в достаточно значимой степени были развиты принципы состязательности и диспозитивности, при этом, зачастую соблюдение процессуально-правовых принципов часто имело приоритет перед религиозно-сакральным элементом при разрешении споров путем проведения судебных поединков. Также обнаружено, что для норм средневекового права, регулирующих проведение судебных поединков характерно развитие принципа равенства сторон. Прослежена эволюция принципа диспозитивности при разрешении споров судебным поединком. Сделан вывод о том, что институт судебного поединка со временем расширял возможности сторон при выборе способа защиты своих прав, в том числе и путем предоставления возможности отказаться от решения спора судебным поединком. Выделены основные предпосылки к исчезновению судебного поединка из процессуально-правовой реальности.

Ключевые слова: Судебный поединок, поле, Божий суд, диспозитивность, ордалии, состязательность, принцип равенства сторон, формализм, представительство, разрешение споров, испытание железом, процессуальная форма.

Одним из юридических способов разрешения споров в средневековой Европе был судебный поединок, представлявший собой часть более обширного процессуально-правового явления, имеющего религиозно-обрядовые корни – «Божьего Суда» (Dei Indicium), второй элемент которого составляли ордалии (испытание раскаленным железом, водой и т. д.).

Ордалии, как средство доказывания, преимущественно применялись в тех случаях, когда существовала необходимость подтвердить либо опровергнуть факт совершения преступления, какого-либо правонарушения, посягнувшего на общественную либо государственную безопасность (например, обвинения в убийстве, краже [1] грабеже, разбое, фальшивомонетничестве [2, с. 64] и так далее) при недостаточности доказательств вины обвиняемого либо если суд был готов отвести вину от обвиняемого, если такая вина будет подтверждена соответствующим испытанием. Косвенно значимость признака общественной опасности при проведении ордалий подтверждается тем, что ордалии могли проводиться исключительно с санкции должностного лица, отправлявшего правосудие (так, например, в средневековой Польше правом назначать ордалии имели князь, воевода, каштелян [3, с. 355]) и оценку результата ордалий как

доказательства проводило именно такое лицо — то есть лицо, наделенное сакральными властными полномочиями, в то время как выбор решать ли спор судебным поединком по преимуществу принадлежал сторонам (отметим, что результат поединка также должен был быть засвидетельствован полномочным лицом). К примеру, Псковская судная грамота, довольно широко применявшая институт судебного поединка, указывает лишь на один случай назначения судебного поединка по определению суда — споры о лесных участках в меже двух собственников (статья 10) [4, с. 332], что напрямую указывает на главенство диспозитивного начала, при применении института судебного поединка. Судебный поединок использовался в качестве средства доказывания, как в гражданских, так и в уголовных делах, с целью снятия обвинения с привлекаемого лица либо при недостаточности непосредственных доказательств вины обвиняемого.

Выразительность диспозитивности в ее соотношении с состязательностью, равенством сторон при использовании судебного поединка как способа разрешения споров обращают на себя внимание при исследовании системы принципов процессуального права. Таким образом, диспозитивность и состязательность при отправлении правосудия путем проведения судебного поединка в некоторых странах Восточной Европы в условиях Средневековья составляет объект настоящего исследования.

Основные памятники права, к которым обращено настоящее исследование – это памятники Средневекового права славянских государств Восточной Европы, в особенности Псковская судная грамота, Польская правда (Эльблонская книга), чешский памятник права – Ряд земского права, Судебник Ивана III 1497 г. и Судебник Ивана IV 1550 г.

Приступая к исследованию процессуальных принципов в рамках института судебного поединка, отметим, что если институт ордалий известен более древним источникам права, например, в случае правовой системы Древней Руси, ордалии были закреплены еще в Русской Правде (единственное упоминание судебного поединка в Древней Руси содержится в Мясниковском списке Пространной редакции Русской Правды (ст. 22 – «дати им правду с железом на поле» [6, с. 48]), то институт судебного поединка находит полноценное нормативное выражение только в XIII в. Речь идет о договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., содержащим, например, в статье 10 следующую норму: «Русину же не лзе позвати Немчича на поле [в] Смоленьске, ни Немчичю в Ризе [и] на Готьскомь березе. Или Немчьскийи гость иметься бити межю собою мечи в Руси, или сулицами, князю то не надобе, никакому Русину, ать правяться сами по своему суду.» [7, с. 61].

И. Б. Михайлова исследуя институт судебного поединка в Средневековой Руси приводит множество исторических актов, содержащих нормы, посвященные проведению «поля», так, в числе таких актов называются вышеупомянутые договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., Псковская судная грамота, Новгородская судная грамота, Записки о душегубстве 1456-1462 гг., Белозерская уставная грамота 1488 г., Судебники 1497 г. и 1550 г., Домострой и так далее [8, с. 136]. Нельзя не заметить, что перечисленные источники права относятся к Позднему Средневековью, более ранние источники, содержащие нормы о поле, кроме отмеченного выше Мясниковского списка Русской Правды, на русской земле нам неизвестны, отсюда очевиден вывод, что поле более поздний институт по

отношению к ордалиям и, по всей видимости, постепенно сменил последние.

Рассмотрим некоторые из перечисленных источников детальной.

Институт «поля» был значительно развит в Псковской судной грамоте. Псковская судная грамота указывает на право поручения проведения поединка наемному бойцу. Так, в делах об избиении и грабеже, ответчик, который относился к определенной категории (старики, священники, калеки, монахи) мог выставить вместо себя наемника, а истец выставлял своего послуха (свидетеля). Заметим, что послух своего наемника выставить не мог и если послух отказывался принять участие в судебном поединке за истца, то последний считался «недоискавшимся» [4, с. 333]. В торговых спорах ответчик и истец обладали правом как выставлять за себя наемных бойцов, так и вступать в поединок сами, в этой части никаких запретов не было [4, с. 335].

Перепоручение участия в судебном поединке наемному бойцу является очевидным примером реализации состязательности в рассматриваемом институте. Так, лицо, обладавшее большим авторитетом либо имевшее большие экономические возможности, могло позволить себе лучшего наемного бойца, либо, при категоричной постановке вопроса вообще могло его себе позволить. Норма Псковской судной грамоты, устанавливающая обязанность истца выставить послуха на поединок для подтверждения своей правоты, при невозможности выступить самому в качестве непосредственного участника поединка демонстрирует очевидную значимость авторитета истца, ведь от того в какой степени послух будет готов поручиться за него, во многом зависит исход дела и если послух откажется от участия, то поединок закончится, так и не начавшись. Нам представляется, что данная норма роднит поле с ордалиями, поскольку предполагается, что за «неправого» истца вряд ли кто-то будет готов поручиться (и пожертвовать своим физическим здоровьем, а может даже и жизнью) и разрешение спора ставится в зависимость от некоей неопределимой силы, в данном случае чувства третьим лицом (послухом) правоты истца. Игнорируя до некоторой степени сакральные стороны судебного поединка, предположим, что все-таки состязательные возможности истца и ответчика сводились к их социальному весу и экономическим возможностям, определявшим насколько подготовленного и физически развитого бойца, может выставить сторона. Допустимо провести параллель с современным процессом, в котором результат участия высокопрофессионального, опытного (и, как следствие, высокооплачиваемого) представителя во многом может определить исход дела, однако, если современный процесс также зависит от установления фактической истины и реализации правовых механизмов в соотношении с обстоятельствами дела, то для судебного поединка важны были лишь бойцовские качества лиц, вышедших на «поле» (при соблюдении, конечно, определенных требований ритуального формализма).

На наш взгляд в судебных поединках имеет место несколько элементов-оснований, по которым различались субъекты, принимавшие участие в судебных поединках, основания связанные с личностью стороны и определяющие реализацию различных процессуально-правовых принципов.

Во-первых, это основание внеправовое, а именно потенциал стороны: экономический, социальный, политический либо какой иной. Такой потенциал обеспечивал стороне его имеющей широкие возможности выбора лица, которое бы

его заменило в поединке. Через внеправовой элемент реализовывался принцип состязательности, поскольку от этого элемента зависело, например, какого бойца может себе позволить сторона, какой авторитет сторона имеет в отношении послухов и так далее.

Второе основание – правовое, которое выражается в правовом статусе лица, являющегося стороной спора, о таком статусе мы говорим, если на него прямо указывает та или иная норма законодательного акта.

В свою очередь, правовой статус содержит в себе две категории, которые мы обозначим как принадлежность и свойство. Под принадлежностью мы понимаем классовый статус лица, то есть является ли лицо аристократом, рыцарем, священнослужителем, свободным лицом низкого происхождения, холопом, истцом, ответчиком и так далее. При этом также необходимо различать принадлежность от рождения (высокое или низкое происхождение) и принадлежность по роду занятия (священнослужитель, рыцарь, чиновник и так далее). К свойствам мы относим такие признаки как пол, возраст, наличие признаков инвалидности, национальную принадлежность и другое. Принадлежность скорее содержит в себя смешение принципов состязательности и равенства сторон, поскольку, во-первых, от различия положения часто зависел выбор оружия, а во-вторых, право выставить наемника, свойство же соотносится с принципом равенства сторон, поскольку от пола, возраста, наличия инвалидности зависел порядок проведения судебного поединка либо вообще ставился вопрос о возможности его проведения и соответственно этим снижались очевидные преимущества более сильной стороны.

Перейдем к анализу рассматриваемых в настоящем исследовании памятников права.

Первым рассмотрим чешский памятник права XIV в. – «Ряд земского права».

Нормами «Ряда земского права» для высшего по рождению лица установлено два возможных пути решения спора при переходе к судебному поединку, если это лицо вызвано ответчиком низшим по рождению. Во-первых, это подтверждение невиновности посредством принесения присяги на кресте, при этом реализовался заимствованный принцип германского права «сам-сдьмой», в соответствии с которым присяга о невиновности лица должна быть также принесена шестью свидетелями (а ответчик завершал эту процедуру, будучи седьмым присягающим). Если все шесть свидетелей подтверждали невиновность ответчика, то истец утрачивал иск, при этом, по всей видимости, присяга должна была иметь вид формулы от правильности произнесения, которой также зависел исход дела и, если один из свидетелей ошибался в произнесении такой формулы ответчик признавался виновным. Данного рода правило мы можем наблюдать, к примеру, в статье 26 Ряда земского права: «А если бы низший (по рождению) высшего, то есть, владыка шляхтича, позвал к суду за убийство; если этот ответчик оградил свое право перед жалобой раньше, нежели на него жалоба вышла, или ему его речник это оговорил, сказав: «Если придется на поединке биться, то он не хочет, так как истец ниже его по рождению», тогда этот ответчик должен доказать свою невиновность присягой на кресте сам-сдьмой; и если все кончили присягу благополучно, то должен освобожден быть, и если бы один только ошибся, тогда ответчик свой иск теряет.» [9].

Во-вторых, это, собственно, проведение судебного поединка по общим правилам.

Почти аналогичная ситуация складывалась если истцом было лицо высшего происхождения, однако, судя по нормам рассматриваемого источника, присягу, в таком случае должны были давать и истец, и ответчик (статья 27) [9].

Своеобразные правила судебного поединка установлены, если истцом была женщина, чей муж или родственник был, по ее мнению, убит ответчиком. В таком случае, ответчик (под которым понимается мужчина) должен был находиться по пояс в яме и сражаться таким способом, место поединка обносилось оградой, за которую истица не имела права выходить, а ответчик не имел права покидать яму [9].

«Ряд земского права» наглядно иллюстрирует возможности реализации диспозитивности и состязательности в судебном поединке путем подробного, почти казуального описания правил их проведения доводя судопроизводство почти до правового пуризма. Так, вызов на поединок был крайне формализован и при этом на всех подготовительных стадиях предоставлял сторонам различные пути для того, чтобы избежать непосредственного столкновения, в том числе путем соблюдения строгих речевых формул и ритуалов (присяга на кресте, удары полой кафтана, вставание на колени и так далее) либо отказа от их соблюдения. Любая из сторон могла избрать иной путь решения спора, например, путем принесения вышеописанной присяги. Состязательность же, в несколько наивной форме, явлена в случае поединка между женщиной и мужчиной, по возможности поставленных в равные условия. Однако судя по обязанности женщины отправлять поединок с мужчиной, «Ряду земского права» не был знаком институт «представительства», как, например, Псковской судной грамоте и состязательность явлена здесь в иной форме – в форме непосредственной состязательности.

Эльблонгская книга, также известная как Польская правда, древнейший свод польского обычного права, созданный около XIII в. также, содержит любопытные нормы относительно института судебного поединка. Эльблонгская книга по предположениям исследователей была создана для чиновников Тевтонского ордена, управлявших польскими землями и использовавших польское право по принципу правосубъектности [10]. Любопытной особенностью Польской правды является то, что судебный поединок по преимуществу назначался судьей, а не инициировался сторонами. Так, ответчик, который не мог подтвердить свою невиновность свидетельскими показаниями был обязан биться на поединке. При этом Польская правда, как и рассмотренные ранее источники, различает статус принадлежности сторон, что сказывается на выборе оружия, используемого во время поединка. Кметы обязаны биться дубинами, а рыцари мечами, однако, если истец – кмет, а ответчик – рыцарь выбор оружия падает на мечи, если же стороны представлены обратным образом, то оружием являлись дубины [11]. Лицо, обвиняемое в государственной измене, могло испросить разрешения взамен поединка, принести присягу, однако, в таком случае обвиняемый обязан был предоставить одиннадцать свидетелей своей невиновности [12].

Случаев, когда сторона могла поставить своего представителя было несколько. Во-первых, когда обвинителем выступает князь. В таком случае князь мог приказать любому из своих людей биться с обвиняемым, а также мог привлечь свободного человека к поединку. Во-вторых, когда собственник земли, на которой сидят кметы, выдвигает обвинение к своему кмету, в таком случае обвинитель имеет право

приказать любому из своих кметов выйти на поединок с обвиняемым [11]. Этими случаями Польская правда ограничивает возможности представительства на судебном поединке.

Как мы видим, в представленных двух случаях возможности «судебного представительства» при проведении судебного поединка довольно ограничены, равно как и право сторон выбирать способ разрешения спора. Соответственно, возможности состязательности и диспозитивности в Польской правде также ограничены. Интерес с этой точки зрения представляет лишь выбор оружия, которым будет отправляться поединок. Полагаем, что выбор оружия мог быть обусловлен отсутствием цели нанесения ранений, не совместимых с жизнью, что можно исключить в случае, если более смертоносное оружие – меч, находится в руках более умелого бойца – рыцаря, в случае же спора лиц с разным статусом, предпочтение отдавалось оружию истца, что на наш взгляд обусловлено уже сакральной стороной Божьего суда, поскольку, несколько упрощая, невиновный выстоит против любого оружия. В более поздние времена, лица низкого происхождения были лишены права вступать в поединок с лицами благородного происхождения, рыцарями, окончательно это было закреплено в 1423 г. с принятием королем Владиславом II Ягеллоном Вартского статута [12, с. 16-18].

Польская правда устанавливала правило, согласно которому, в случае если во время судебного поединка оружие выпадало из руки одного из соперников, то второй соперник ожидал пока его оппонент поднимет оружие или ему его подадут. Здесь можно усмотреть некоторого рода отхождение от принципа «божественного вмешательства», характерного для ордалий, выпавшее оружие могло бы быть рассмотрено как указание сверхъестественных сил на неправоту лица, потерявшего оружие, тем не менее законодатель шел скорее по рациональному пути, исключая какое-либо вмешательство, в том числе и вмешательство «божественного» исходя из принципа «равные противники на равных условиях». Очевидно, что законодатель осознавал необходимость такой модели реализации данного института, вызванную, во-первых, значимостью соблюдения принципов равенства сторон и состязательности, а во-вторых важностью правовой определенности, которая могла быть реализована при наглядном соблюдении равенства сторон и состязательности, тем самым исключая возможность истолкования суда как суда несправедливого, нечестного, в котором сторона, выронившая оружие могла быть ранена и/или считаться проигравшей. Поединок в соответствии с Польской правдой длился пока одна из сторон не провозглашала себя проигравшей или ее не признает таковой наблюдающий за поединком судья.

В случае, если сторона не была в состоянии принимать участие в судебном поединке, то, согласно Польской правде, такая сторона проходила испытание железом – испытание «железом на земле» (*examen vomerum*) либо испытание «железом в руке» (*ferrum manuale*) [11]. Лицо, проходившее *examen vomerum*, обязано было встать на раскаленные лемехи шириной со стопу человека, разложенные на расстоянии трех шагов, испытуемого, проходящего по раскаленному железу, поддерживали с двух сторон. При *ferrum manuale* испытуемый должен был три шага пронести в руке раскаленный кусок железа, а виновность его устанавливалась в случае, если он выронил раскаленное железо либо, таким же образом, как и при *examen vomerum*, заживление ран от ожогов не шло успешно.

Рассмотрение дела не откладывалось в связи с невозможностью провести в назначенный день судебный поединок, дело рассматривалось *hic et nunc* и процесс лишался состязательности, поскольку поединок тут же заменялся ордалией в виде испытания раскаленным железом. Допустимо предположить, что при испытании железом своеобразный элемент состязательности состоял в том сможет ли испытуемый выдержать такое испытание, но поскольку ордалия также состояла в последующем осмотре ран, полагаем, что говорить в этом случае о состязательности не приходится. В целом, такое положение вещей позволяет говорить о том, что польский средневековый процесс все-таки тяготеет к минимизации состязательности, при том, что ее элементы в таких институтах как судебный поединок однозначно присутствовали, однако в большинстве иных процессуальных институтов о состязательности не идет речи.

Вернемся к рассмотрению русских правовых памятников, регулировавших процедуру отправления правосудия путем проведения судебного поединка.

И. Б. Беляев выделил значимые отличительные признаки полевого поединка по Псковской судной грамоте: 1) крестоцелование (присяга); 2) наличие института наемных бойцов (последнее запрещалось если обе стороны были женщинами); 3) засвидетельствование поединка представителем власти (княжеский, земский пристав, взимавшие плату за организацию поединка с проигравшей стороны); 4) «правая» сторона, кроме иска, могла взять с побежденного «все то, в чем он вышел на бой» [13, с. 440].

Все перечисляемые элементы, в целом характерны для общеевропейской правовой реальности эпохи Средневековья.

Крестоцелование являло собой один из вариантов той формально-сакрализирующей процедуры, которую мы наблюдаем в средневековых Чехии и в Польше при отправлении судебного поединка. Данная процедура, а скорее ритуал, в силу того, что зачастую, в рамках судебного поединка, не несли в себе никакого влияния на исход процесса, служили для разделения процессуального и внепроцессуального пространства, посредством ритуала каждая из сторон выходила из сферы профанного и входила в сферу сакрального — окончание ритуала, причем, в некоторых случаях только при правильном его проведении, легитимизировало проведение судебного поединка и его результат. Об этом же свидетельствует то обстоятельство, что для законности проведения судебного поединка по Псковской судной грамоте требовалось присутствие княжеского и городского приставов [13, с. 440], что, вероятно, дополнительно легитимизировало институт «поля».

В целом, Псковская судная грамота отличается от иных рассмотренных правовых источников тем, что более рационально реализует состязательность и равноправие сторон при отправлении правосудия путем проведения судебного поединка и содержит более рациональный подход к формализации процесса. Это обусловлено скорее тем, что Псковская судная грамота хоть и учитывает сословные различия, тем не менее предоставляет сторонам допустимо, с учетом таких различий, равные права не устанавливая дополнительных, иной раз сложно объяснимых рациональными причинами, формальностей, которые устанавливают чешский Ряд земского права либо Польская правда.

Упоминание о судебном поединке содержит также Новгородская судная грамота в статье 6 [14, с. 301], однако данное упоминание настолько незначительно, что

можно говорить лишь о том, что институт «поля» использовался в Новгородской Республике, но не более того. В последующих российских правовых памятниках мы также не находим такого детального регулирования института «поля», какое мы наблюдаем в Псковской судной грамоте. Так в «Записи, что тянет душегубством к Москве» мы встречаем «А у поля ему вяжщего треть, а пересуда треть же, да что посулять» [15, с. 168], что, как отмечает И. Б. Михайлова «[...] свидетельствует об организации главным московским судьей полевых поединков» [8, с. 140], проводившихся, по мнению М. Н. Тихомирова на площадке у церкви Троицы, находившейся в Китай-городе у места, где «[...] стоит памятник первопечатнику Ивану Федорову.» [16, с. 176]. В Уставной грамоте 1488 г., данной Иваном III жителям Белозерского края, мы встречаем упоминание о судебном поединке при установлении порядка расчета взимаемой пошрины, а также на то, что судебный поединок свершается Божьим приговором: «... а побьются на поле, и наместники велят на виноватом истцово доправити, а на себя велят взяти противень противу истцова, а то им с тиуны и з доводчики» [15, с. 172].

Судебные поединки в многих русских землях были широко распространенным явлением, хотя, как мы видим не всегда законодатель уделял им хоть какое-нибудь внимание в нормативно-правовых актах. Так, сохранились многочисленные сведения о проведении поединков в Рязанской земле во второй половине XV в. [17, с. 14-15], в Белозерской земле также во второй половине XV в. [18, с. 9, 11], во Владимирском уезде [19, с. 15], в Муромском уезде [19, с. 193] и в Нижегородском уезде [20, с. 159-160] в первой половине XVI в. Тем не менее говорить о достаточной нормативной проработанности либо о нормативной проработанности вообще в отношении института судебного поединка не приходится (за исключением Псковской судной грамоты) вплоть до принятия Судебника 1497 г.

Судебник 1497 г. предусматривал три варианта завершения судебного поединка: 1) доведение процесса до судебного поединка с примирением, не приступая к поединку; 2) примирение в ходе судебного поединка; 3) завершение судебного поединка победой одной из сторон. Судебник различал также обвинения в преступлениях различной социальной значимости в целях проведения судебного поединка, так, например, за «заемное дело» поединок не облагался «полевой» пошлиной, место проведения поединка не ограждалось, а судебные агенты не следили за порядком, в противоположность «полю» проводимом по делам об убийствах, поджогах, разбое или татьбе. Судебник содержал указание на возможность представительства, причем представительство было обязательным или факультативным. Так, в соответствии со статьей 48 Судебника, если послух истца давал показания в пользу последнего по делам о нанесении вреда здоровью, грабеже или долговых обязательствах, ответчик, не признающий своей вины, обязан был биться с послухом истца [21, с. 56]. Также ст. 49 Судебника 1497 г. указывает, что в случае, если ответчик, которому предстоит биться с послухом, слишком стар, мал, увечен, а также если он является священнослужителем, он имел право выставить вместо себя наемника (примечательно, что послух, вне зависимости от его свойства или статуса, таким правом не обладал).

В целом проведение судебного поединка в России в конце XV в. – начале XVI в. отмечается крайней степенью диспозитивности, состязательности и даже в некоторой степени характеризуется как хаотичное. Так, посол Священной Римской

империи С. Герберштейн, посетивший в 1517 г. Россию пишет о том, что участники судебного поединка используют любое оружие, кроме пищаля и лука, причем иногда стороны вооружены сразу несколькими видами оружия, а «у каждой из сторон есть много друзей и сторонников, зрителей на поле боя, но у них нет никакого оружия кроме кольев, которые иногда и пускаются в ход.» [22, с. 120].

Судебник 1550 г. также детально регулировал институт «поля», вобрав в себя многие нормы Судебника 1497 г., при этом законодатель учел несколько значимых, ранее не урегулированных обстоятельств. Во-первых, Судебник 1550 г. устанавливал обязательное присутствие на месте поединка стряпчих и поручителей истца и ответчика, с запретом последним иметь при себе хоть какое бы то ни было оружие. Во-вторых, Судебник установил запрет на судебный поединок «бойца» с «небойцом», то есть профессиональные бойцы могли вступать в поединок с такими же профессионалами, единственное исключение было только в том случае, если «небоец» будет настаивать на поединке с профессиональным оппонентом.

Очевидно, что первая норма, устанавливавшая запрет на наличие у наблюдателей поединка оружия, была направлена на исключение возможного их вмешательства в процедуру, что нарушило бы, во-первых, процессуальную форму, а во-вторых, в случае признания легитимности такого поединка, привело бы к нарушению ряда иных процессуальных принципов. Вторая приведенная норма, очевидно, преследовала цель создания для сторон равных условий отправления поединка. Все это свидетельствует в пользу осознания законодателем того времени значимости принципов состязательности и равенства сторон.

Как отмечает И. Б. Михайлова: «Протесты духовенства, а также губная реформа, сопровождавшаяся переходом от состязательного процесса к розыску ... обусловили отмену поля в делах о поджогах, убийствах, разбоях, грабежах, избияниях, татьбе, займах. В прочих делах истец и ответчик имели право биться друг с другом только по обоюдному согласию» [8, с. 146]. Постепенно значимость судебных поединков снижалась, так, например, Приговор о губных делах 1556 г. содержит указание на возможность отказа от проведения судебного поединка с заменой его на крестоцелование [20, с. 144-145].

Нормы закрепленные в Судебниках 1497 г. и 1550 г., свидетельства современников, в том числе приводимого выше С. Герберштейна, указывают на то, что судебный поединок в Московском царстве имел все признаки полной (насколько это можно говорить о соответствующей эпохе) реализации принципов состязательности, равенства (реализуемой, например, через возможность выставить наемников, запрет на ношение оружия у наблюдателей поединка, поединок между предположительно физически равными соперниками и т. д.) и принципа диспозитивности (свобода выбора оружия, а в более поздние времена - замена поединка крестоцелованием и т. д.).

Таким образом, считаем возможным утверждать, что судебный поединок являл собой хоть достаточно своеобразный процессуальный институт, однако в нем были явлены в достаточной степени принципы состязательности, равенства сторон и диспозитивности и говорить о нем как о крайне архаичном и внеправовом способе разрешения споров нельзя, хотя вопрос об установлении фактической истины здесь решался неоднозначно.

Судебный поединок по своей сути был единственным «Божьим судом», в

котором принимали участие обе стороны процесса. Более того, единственным «Божьим судом», в котором вызванная сторона имела хоть какое-нибудь влияние на результат пробы, хоть это естественным образом зависело также и от уровня владения стороной процесса оружием.

Впоследствии в русских землях судебный поединок прекратил свое существование. В Польше и Чехии, после проведенного в 1215 г. IV Латеранского собора и осуждении Папой Римским Григорием XI в 1373 г. положений саксонского и магдебургского права регулировавших вопросы проведения ордалий, судебный поединок постепенно запрещался [5] и преобразовывался в поединок чести — поначалу привилегию аристократии, впоследствии распространившуюся на все слои населения. Поединки чести довольно быстро были объявлены вне закона [23]. Польские законодательные акты XVI века, в том числе акты военного уголовного права, ввели не только наказание за поединок, но также преследовали сам факт вызова на поединок [24, с. 150], причем даже вызов на поединок в войске наказывался смертной казнью [25, с. 121].

Со временем забытый институт судебного поединка, будучи привнесенным из Европы, с существенными изменениями вновь возродился в России, но уже в виде запрещенной законом дуэли.

Предпосылок к тому, что судебный поединок прекратил существование как процессуально-правовой способ разрешения споров множество. Среди основных можно отметить негативное отношение к данному институту православного и католического духовенства, игравшего в то время, когда судебный поединок претерпевал существенные процессуальные изменения, существенную роль в жизни общества и государства. Расширение процессуально-правовых возможностей, развитие способов доказывания, иных способов защиты прав также повлияли на упадок данного института в Европе. Для России же, при том, что судебный поединок как способ разрешения споров пользовался здесь крайней популярностью, основной предпосылкой, по нашему мнению, был переход от состязательного процесса к следственному процессу. Отметим также, что нельзя утверждать, что судебный поединок в своем существе устарел для общества и, в связи с этим, перестал использоваться и в судопроизводстве, поскольку со временем данный институт возродился в институте дуэли, которая как известно стала крайне распространенным явлением. Соответственно, если можно допустить, что судебный поединок устарел в качестве правового механизма, то говорить о том, что он также устарел как социальный институт нельзя. Все отмеченные предпосылки, в своей совокупности и привели к исчезновению процессуального института судебного поединка.

Список литературы:

1. Русская Правда (Пространная редакция) // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (дата обращения: 18.02.2024). – Текст : электронный.
2. Нортгэмптонская ассиза (1176 г.)// Памятники истории Англии XI—XIII вв. / Перевод и введение акад. Д. М. Петрушевского. — М.: Госоцгиздат, 1936. — С. 64–69.
3. Winiarz A. Sądy boże w Polsce // Kwartalnik historyczny. - 1891. - S. 290-313.
4. Псковская судная грамота//Российское законодательство X-XX веков в девяти томах. Т. I. Законодательство Древней Руси / Под ред. О. И. Чистякова. - М.: Юридическая литература, 1984. 432 с.
5. См. Szymczak J. Pojedynki sądowe, czyli rzecz o sądzie bożym w Polsce Jagiellonów // Studia z Dziejów Państwa i Prawa Polskiego. - Kraków: Krakowska Akademia im. Andrzeja Frycza Modrzewskiego, 1999. - S.

157-166.

6. Любимов В.П. Списки Правды Русской // Правда Русская. Т. I. Тексты. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – 505 с.
7. Памятники русского права. – М.: Госюриздат, 1953. – Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII – XV вв. / под ред. С. В. Юшкова; сост. А. А. Зимин – 443 с.
8. Михайлова И. Б. Полевой поединок – норма права в средневековой Руси // История повседневности. - 2016. - №1. - С. 136-152.
9. РЯД ЗЕМСКОГО ПРАВА - ORDO JUDICII TERRAE // Восточная литература. Средневековые исторические источники востока и запада URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Tschechien/XIV/Rjad_zemskogo_prava/text.phtml?id=2543 (дата обращения: 17.02.2024). – Текст : электронный.
10. Vetulani A. Nowe wydanie niemieckiego zводу prawa polskiego // Czasopismo Prawno-Historyczne. - 1960. - №12 (2). - S. 195 – 232.
11. ПОЛЬСКАЯ ПРАВДА (ЭЛЬБЛОНСКАЯ КНИГА), СЕРЕДИНА XIII ВЕКА // Восточная литература. Средневековые исторические источники востока и запада URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Polen/XIII/Pol_Pravda/text.phtml?id=10344 (дата обращения: 19.02.2024). – Текст : электронный.
12. См. Semkowicz Wł. Nagana i oczyszczenie szlachectwa w Polsce XIV i XV wieku. - Lwów: Z drukarni Wł. Łozińskiego, 1899. - 41 s.
13. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства / Предисл. А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. - М.: Институт русской цивилизации, 2011. - 896 с.
14. Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 300–308.
15. Памятники русского права. Вып. 3. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1955. – 528 с.
16. Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV–XV веках. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 320 с.
17. Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. I, II. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1895. – 271 с.
18. Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России / Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. I. – Киев: В тип. И. и А. Давиденко, 1860. – 407 с.
19. Акты Русского государства. 1505–1526 гг. – М.: Наука, 1975. – 435 с.
20. Судебники XV–XVI веков. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 620 с.
21. Антонов А.В. Клинические акты XV – XVI века // Русский дипломатарий. Вып. 4. – М.: Памятники ист. мысли, 1998. – С. 53–110.
22. Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 431 с.
23. См. Kania L. O pojedynkach, kodeksie Bożewicza i ludziach honoru. Szkic prawno-historyczny // Studia Lubuskie - Prace Instytutu Prawa i Administracji Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej w Sulechowie. - 2006. - №2. - S. 45-62;
24. Makarewicz J. Polskie prawo karne: część ogólna. - Warszawa: Wolters Kluwer, 2017. - 378 s.
25. Kutrzeba S. Polskie ustawy i artykuły wojskowe od XV do XVIII wiek. - Oświęcim: Napoleon V, 2021. - 372 s.

Ivanchenko S. V. The procedural principles of competition and dispositivity and trial by combat like way to resolve legal disputes in medieval Eastern Europe // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 18-29.

The research is devoted to the analysis of the implementation of procedural principles of competition and dispositivity in resolving disputes through trial by combat in Eastern Europe during the Middle Ages. The article analyzes Eastern European medieval historical legal documents regulating the procedure for administering justice through trial by combat. The basis for the classification of subjects participating in judicial fights was systematized, the extra-legal and legal basis were identified, and it was also discovered that the legal basis also contained two elements - belonging and property. The study revealed that the norms of medieval law developed to a fairly significant extent the principles of adversarial and dispositive principles, while often compliance with procedural legal principles often took precedence over the religious and sacred element in resolving disputes through trial by combat. It was also discovered that the norms of medieval law regulating the conduct of trial by combat were characterized by the development of the principle of equality of parties. The research traces the evolution of the principle of dispositivity in resolving disputes through trial by combat. It is concluded that the institution of trial by combat over time expanded the possibilities of the parties when choosing a method of protecting their rights, including by providing the opportunity to refuse to resolve the dispute by combat. In the research define the main prerequisites for the disappearance of trial by combat from procedural legal reality are also highlighted.

Key words: Trial by combat, field, divine justice, dispositivity, ordeals, competition, the principle of equality of parties, formalism, representation, dispute resolution, trial by iron, procedural form.

Spisok literaturi:

1. Russkaya Pravda (Prostrannaya redakciya) // Elektronnyye publikacii Instituta russkoj literatury (Pushkinskogo Doma) RAN URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (data obrashcheniya: 18.02.2024).
2. Nortgempionskaya assiza (1176 g.) // Pamyatniki istorii Anglii XI—XIII vv. / Perevod i vvedenie akad. D. M. Petrushevskogo. – M.: Gosocekizdat, 1936. – S. 64–69.
3. Winiarz A. Sądy boże w Polsce // Kwartalnik historyczny. – 1891. – S. 290-313.
4. Pskovskaya sudnaya gramota // Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov v devyati tomah. T. I. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi / Pod red. O. I. CHistyakova. - M.: YUridicheskaya literatura, 1984. – 432 s.
5. Szymczak J. Pojedynki sądowe, czyli rzecz o sędzie bożym w Polsce Jagiellonów // Studia z Dziejów Państwa i Prawa Polskiego. - Kraków: Krakowska Akademia im. Andrzeja Frycza Modrzewskiego, 1999. – S. 157-166;
6. Lyubimov V.P. Spiski Pravdy Russkoj // Pravda Russkaya. T. I. Teksty. – M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1940. – 505 s.
7. Pamyatniki russkogo prava. – M. : Gosyurizdat, 1953. – Vyp. 2: Pamyatniki prava feodal'no-razdroblennoj Rusi XII – XV vv. / pod red. S. V. YUshkova; sost. A. A. Zimin — 443 s.
8. Mihajlova I. B. Polevoj poedinok – norma prava v srednevekovoj Rusi // Istoriya povsednevnosti. - 2016. - №1. - S. 136-152.
9. RYAD ZEMSKOGO PRAVA - ORDO JUDICII TERRAE // Vostochnaya literatura. Srednevekovye istoricheskie istochniki vostoka i zapada URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Tschechien/XIV/Rjad_zemskogo_prava/text.phtml?id=2543 (data obrashcheniya: 17.02.2024).
10. Vetulani A. Nowe wydanie niemieckiego zwodu prawa polskiego // Czasopismo Prawno-Historyczne. - 1960. - №12 (2). – S. 195 – 232.
11. POL'SKAYA PRAVDA (EL'BLONSKAYA KNIGA), SEREDINA XIII VEKA // Vostochnaya literatura. Srednevekovye istoricheskie istochniki vostoka i zapada URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Polen/XIII/Pol_Pravda/text.phtml?id=10344 (data obrashcheniya: 19.02.2024).
12. Semkowicz Wł. Nagana i oczyszczenie szlachectwa w Polsce XIV i XV wieku. - Lwów: Z drukarni Wł. Łozińskiego, 1899. - 41 s.
13. Belyaev I. D. Lekcii po istorii russkogo zakonodatel'stva / Predisl. A. D. Kaplina / Otv. red. O. A. Platonov. - M.: Institut russkoj civilizacii, 2011. - 896 s.;
14. Novgorodskaya Sudnaya gramota // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 1. – M.: YUrid. lit., 1984. – S. 300–308.
15. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 3. – M.: Gos. izd-vo jurid. lit, 1955. – 528 s.
16. Tihomirov M.N. Srednevekovaya Moskva v XIV–XV vekah. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1957. – 320 s.
17. Lihachev N.P. Sbornik aktov, sobrannyh v arhivah i bibliotekah. Vyp. I, II. – SPb.: Tip. V.S. Balasheva i K^o, 1895. – 271 s.
18. Akty, odnosyashchiesya do grazhdanskoj raspravy Drevnej Rossii / Sobral i izdal A. Fedotov-CHekhovskij. T. I. – Kiev: V tip. I. i A. Davidenko, 1860. – 407 s.;
19. Akty Russkogo gosudarstva. 1505–1526 gg. – M.: Nauka, 1975. – 435 s.;
20. Sudebniki XV–XVI vekov. – M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1952. – 620 s.
21. Antonov A.V. Klinskie akty XV – XVI veka // Russkij diplomatarij. Vyp. 4. – M.: Pamyatniki ist. mysli, 1998. – S. 53–110.
22. Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1988. – 431 s.
23. Kania L. O pojedynkach, kodeksie Boziewiczza i ludziach honoru. Szkic prawno-historyczny // Studia Lubuskie - Prace Instytutu Prawa i Administracji Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej w Sulechowie. - 2006. - №2. - S. 45-62.
24. Makarewicz J. Polskie prawo karne: część ogólna. - Warszawa: Wolters Kluwer, 2017. - 378 s.
25. Kutrzeba S. Polskie ustawy i artykuły wojskowe od XV do XVIII wiek. - Oświęcim: Napoleon V, 2021. - 372 s.